

Иоанна Мянговска

Еврейская тематика в творчестве Марка Шагала и Вадима Сидура

Studia Rossica Posnaniensia 28, 29-36

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКА ШАГАЛА И ВАДИМА СИДУРА

THE JEWISH IN THE WORKS BY MARC CHAGALL AND VADIM SIDUR

ИОАННА МЯНОВСКА

ABSTRACT. The Jewish mode of life and biblical motives are the underlying theme of the poems and novels by Marc Chagall and Vadim Sidur. The myth "A monument to the modern state" by Vadim Sidur deals with the suffering and the persecution of the Jews.

Joanna Mianowska, Wyższa Szkoła Pedagogiczna, Instytut Filologii Rosyjskiej, ul. Grobla 2, 85-601 Bydgoszcz, Polska – Poland.

Марк Шагал и Вадим Сидур – эти имена не столь уж известны в литературном мире. Если имя Шагала у всякого культурного человека ассоциируется с искусством – живописью, то имя Сидура не вызывает никаких ассоциаций – оно вообще в Польше неизвестно. Поэтому целью нашего исследования будет не только проследить еврейские мотивы в литературном творчестве Шагала и Сидура, но и приблизить их произведения хотя бы узкому кругу читателей.

Исходя из положения, что тематика – это основные мотивы произведения, обеспечивающие его внутренний композиционный строй, сосредоточим свое внимание на еврейской теме в поэзии и прозе Шагала, присутствии библейских элементов в его творчестве, описании быта евреев. В прозе же Сидура внимание сосредоточим на безмерном страдании человека (это лейтмотив сидуровского мифа). Именно этим страданиям и гонениям были подвергнуты в 70-е годы лица еврейского происхождения, в том числе и сам Сидур.

Обратимся к литературному творчеству М. Шагала, живописца и графика, поэта и прозаика, эмигрировавшего из России в начале 20-х годов, принявшего французское подданство только в 1937 году. Шагал в своей автобиографической книге *Моя жизнь* писал: „Как только я стал говорить по-русски, я тут же принялся сочинять стихи”¹. Отметим, что Шагал писал как русские, так и еврейские стихи. Многие из его русских стихов

¹ Цит. по: Л. Беринский, *О русских стихах Марка Шагала*. В: М. Шагал, *Ангел над крышами. Стихи. Проза. Статьи. Выступления. Письма*, Москва 1989, с. 185.

затерялись и до сих пор неизвестно, где находятся подлинники некоторых русских стихов Шагала².

Материалом для анализа еврейской тематики в поэзии Шагала послужила книга *Ангел под крышей* с предисловием и комментариями Льва Беринского. Поэзия Шагала неотрывно связана с его живописью. Пейзаж старого Витебска, который в живописи и в поэзии был для Шагала его Иерусалимом, исполнен мистического откровения и чувственного трепета, в нем привычно-бытовое превращается в космическое и наоборот, ангелы реальны, как козы, и козы таинственны и неистовы, как ангелы.

А ночью – ангел святозарный
над крышей пламенел амбарной
и клялся мне, что до высот
мое он имя вознесет...³.

Эти слова были написаны Шагалом в Витебске, ставшем для него местом не только его физического рождения, но и творческого. В подвитебском Лиозно и в Витебске жила вся семья Шагала – будущего художника: мать, учившая его еврейской молитве, строгий отец, тетюшки Муся, Гутя, Шая, Реля, дяди Лейба, Юда, Зюся, Нех, брат Давид и сестры, первый учитель Иегуда Пэн, рисовавший портреты местных евреев и, наконец, жена Белла, ставшая прототипом для его картин *Прогулка*, *Розовые влюбленные*, *Влюбленные с букетом цветов* и др.⁴ Нельзя не отметить, что этот сюжетный мир Пэна, мир еврейского местечкового быта, определил отчасти пластическую и поэтическую концепцию в творчестве Шагала. Справедливыми в этой связи кажутся слова Г. Казовского, специалиста по проблемам еврейского искусства в России, которые относятся и к поэзии Шагала: „В системе традиционных представлений иудаизма быт мыслится как сакральная зона реализации заповедей – мицвот, как таинственная сфера ритуального осуществления человека. Приземленной повседневной реальности в этой системе сообщается символический масштаб бытия, и в живописи Пэна быт становится символическим средством выражения духовной сущности народа”⁵. В шагаловских стихах *Наследство*, *Мать*, *Сестры*, *Первый учитель*, *Жена*, *Тот город дальний*, *Старый дом*, *Молитва*, *Мой народ* и в других также отражен символизм образного мышления первого учителя Шагала – Пэна, повлиявший на композиционное построение шагаловских произведений⁶. Ведь

² Там же, с. 185-186.

³ Там же, с. 27.

⁴ См.: М. Ш а г а л, *Моя жизнь*, послесловие, комментарии Н.В. Апчинской, Москва 1994, с. 5-25.

⁵ Цит. по: О. М е д в е д к о в а, *Париж открывает Шагала*, „Русская мысль” 1993, № 3970 от 12 марта, с. 14.

⁶ М. Ш а г а л, *Ангел над крышами*, указ. соч., с. 47-58.

не случайно в стихах и картинах Шагала Витебск представлен как живой еврейский организм. В этом городе в конце прошлого века жило 34 420 евреев, что составляло 52,4% всего населения, в городе было около 60 синагог и только 30 христианских храмов⁷.

Хочется подчеркнуть, что художественное мышление Шагала национальное, еврейское и это проявляется как в его поэзии, так и в значительном литературном прозаическом произведении *Моя жизнь*, где отсутствуют французско-европейские и славянские начала, хотя Шагал пишет и о своих учителях живописи – французах. Не касаясь проблемы религиозной ортодоксальности Шагала, надо отметить, что не только быт еврейской семьи, в которой вырос художник, но и Библия, ее сюжеты и персонажи стали лейтмотивом его литературных произведений. В стихотворении *Наследство*, посвященному отцу, Шагал пишет:

...Ты ждал чудес, ты ждал и плакал,
тряс в синагоге бородой.
Авраам, Исаак и нежный Иаков
внимали сердца голос твой⁸.

В стихотворении *По лестнице Якова, Лестница Иакова, Корабль* и других появляется повторяющийся у Шагала мотив „лестницы Иакова“. Как известно, Иаков – сын Исаака, прародителя еврейского народа, и внук Авраама, одного из родоначальников еврейского народа, а его имя означает „занимающий место хитростью“, позднее – Иаков – Израиль „князь Божий“. Возвращаясь, однако, к мотиву „лестницы Иакова“, надо отметить, что этот сюжет был широко известен в еврейском фольклоре: Иаков, как-то ночуя под открытым небом, взял один из камней, послуживший ему изголовьем, и уснул. Приснился ему сон: стоит на земле лестница, верх ее касается неба, а Ангелы Божии входят и сходят по ней. Вводя библейские мотивы, Шагал сохраняет свою еврейскость, что находит подтверждение во всех его стихах и прозе. Выросший в ортодоксальной еврейской семье, уже с детства приученный к молитве и к соблюдению всех канонов веры, Шагал передает в своих произведениях весь этот дух молитвы, Библии, традиции и еврейских праздников. Но в поэзии Шагала проявляется и двойственность. Не раз досталось Шагалу от ортодоксов за введение христианских мотивов в поэзию. „Я распят с утра, как Христос, сам себя пригвождаю к мольберту“, „еврей с лицом Христа спускается на землю“ или „я сын Твой, ползать рожденный по земле. Ты дал мне краски в руки, дал мне кисть, а как Тебя изображать – не знаю“ или же „как мне благодарить Тебя, мой Бог. Великий Пост – в какой из дней избрать мне?“ и далее: „Библия – самое великое в мире произведение

⁷ См.: *Еврейская энциклопедия*, Москва 1996.

⁸ М. Шагал, *Ангел над крышами*, указ. соч., с. 45.

искусства. Библия содержит в себе высочайший идеал бытия человека на планете Земля". Последние слова высказал Шагал еще в 1962 году, в узком кругу друзей в США⁹. В этих и в других шагаловских строфах и в словах проявляется его интимное, личное ощущение Бога. Художник сам как-то сказал: „Для меня Иисус был величайшим поэтом, чье поэтическое учение забыто современным миром“¹⁰.

Личное отношение к Богу проявилось и в прозе Шагала, устремленной прежде всего в его детство. Но детство Шагала – это не „утраченный рай“ В. Набокова, ибо жизнь в Лиозно под Витебском рая не напоминала. Однако Шагал посвятил описанию жизни самые проникновенные, полные глубокой нежности страницы. Кроме знакомства со всей его родней – близкой и далекой, читатель шагаловской *Моей жизни* знакомится с основами религии, иудаизмом, а также, как и в случае шагаловской поэзии, с религиозной по своему характеру национальной еврейской культурой. Напомним, что с конца XVIII века Витебск был одним из главных центров хасидизма (слово „хэсед“ на древнееврейском означает „милосердие“, „любовь“, а „хасид“ обычно переводится, как „любящий Бога“)¹¹. Интересен факт, что это слово не употребляется Шагалом ни разу. Но читая внимательно шагаловский текст *Моей жизни*, можно обнаружить в его описаниях черты, присущие иудаизму и хасидизму. Так, заслуживает внимания восприятие Шагалом времени как потока, в котором прошлое, настоящее и будущее взаимосвязаны (символ этого вырывающегося времени – летящие стенные часы из родительского дома в Витебске). Обратим внимание и на то, что здесь много бытоописания – еврейских праздников и национальной еврейской еды. Иом-Кипур, Суккот, Симхас, Тора, Судный день, шабас, Пасха – все эти еврейские праздники связаны с соответствующей обрядностью, молитвами, едой и т.д. Фаршированная рыба, тушеное мясо, цимес, лапша, холодец из телячьих ножек, бульон, курица, компот – это шабасная субботняя еда, а в будни – селедка, соленые огурцы, сыр, масло, черный хлеб, гречка. Стоит подчеркнуть, что шагаловское „бытовое исповедничество“ национальное, еврейское (вспомним, у Н. Шмелева – русское, православное). Видно, что иудаизм сохранил свои главные принципы: преобладание мифологии не священного космоса, а истории народа, постоянное присутствие Бога в человеческой жизни (уже с рождения Шагала), понимание мира как текста, воплощающего божественное слово (в иудаизме Шагала также). Творчество Шагала характеризуется глубинной религиозной направленностью, но с другой стороны – оно универсально, так как обращено к человеку, к любви и страданию.

⁹ Там же, с. 164.

¹⁰ Цит. по: Л. Б е р и н с к и й, *Достойный бытия*. В: М. Ш а г а л, *Ангел над крышами*, указ. соч., с. 8.

¹¹ Н. А п ч и н с к а я, *Послесловие*. В: М. Ш а г а л, *Моя жизнь*, указ. соч., с. 183-184.

В другое историческое время жил и творил Вадим Сидур – скульптор, график и, наконец, писатель и поэт, создававший свои произведения в условиях сталинского террора и режима тоталитарной власти. Его имя (Сидур – по-древнееврейски – молитвенник) долгие годы было в забвении. Художник был неизвестен в СССР из-за отсутствия персональных выставок и запрета, наложенного на его имя в печати. В то же время в Германии и США на улицах многих городов и площадях устанавливались его скульптуры, например: *Памятник жертвам насилия* в Касселе, *Треблінка* в Западном Берлине, *Женщина и сталь* и *Портрет Альберта Эйнштейна* в Америке¹².

Обратимся, однако, к литературному творчеству скульптора и графика Сидура. В 70-е годы Сидур написал *Памятник современному состоянию*, по жанру – миф¹³. Название миф получил по одной из сидуровских скульптур. Кроме прозы Сидур писал и стихи, собранные в сборнике *Самая счастливая осень*¹⁴. Сидур известен также как автор иллюстраций (как и Шагал) к книге Г. Генниса *Время новых болезней* и к роману-балладе Иццокаса Мераса *На чем держится мир*¹⁵.

Уместно будет отметить, что в 1989 г. был создан Московский государственный музей Вадима Сидура, что произошло, к сожалению, уже после смерти художника и явилось справедливой оценкой его таланта¹⁶.

Как уже отмечалось, сидуровский *Памятник современному состоянию*, написанный в 70-е годы, был опубликован лишь в 1992 году, и к тому же только его первая часть (когда же выйдет вторая – неизвестно). Миф начинается анкетой, состоящей из 101 вопроса, направленного внутреннему эмигранту, отщепенцу Сидуру. Произведение это глубоко автобиографично. Отметим, что детство Сидура проходило в совершенно другой атмосфере, чем у Шагала (другое историческое время и среда, в которой вырастали художники). У Шагала – Витебск, а у Сидура Днепропетровск – города, которые наложили огромный отпечаток на творчество обоих художников. В воспоминаниях о детстве в Днепропетровске Сидур констатирует, что „...там обращались друг к другу «мадам Каган», «мадам Лейбович», там хоронили дедушку Эдика Эммануэля”¹⁷. Далее

¹² См.: К. Е i t e m g a s c h e r, *Находясь между мирами. Вадим Сидур и его творчество*, пер. с немецкого: О. Семидилихина, Г. Геннис, „Slavia Orientalis” 1995, nr 2, с. 251-261.

¹³ См.: В. С и д у р, *Памятник современному состоянию*, „Звезда” 1992, № 8, с. 8-68; 1992, № 9, с. 114-179.

¹⁴ В. С и д у р, *Самая счастливая осень*, Москва 1990.

¹⁵ Г. Г е н н и с, *Время новых болезней*, Москва 1996. В книге использованы рисунки Вадима Сидура; И. М е р а с, *На чем держится мир (роман-баллада). Вечный шах (роман)*, перевод с литовского Ф. Дектора, художник Вадим Сидур, Тверь 1994.

¹⁶ В. С и д у р, *Памятник современному состоянию (музей скульптора В. Сидура наконец-то открыт для всех поклонников искусства XX века)*, „Мир музея” 1994, № 1, с. 4-13.

¹⁷ В. С и д у р, *Памятник современному состоянию*, указ. соч., с. 12.

воспоминания чередуются: Москва – Днепропетровск – Харьков в разные годы жизни писателя. Если Шагал уже с раннего возраста говорил и писал на идиш и на русском в еврейском Витебске, в котором он молился в синагоге, то Сидур говорил и писал в советском (еврейском также и украинском) Днепропетровске на русском, а о молитве в синагоге не могло быть и речи.

Интересен факт, что это на Украине в небольших городишках во второй половине XVIII в. зародился хасидизм – течение, которое возникло как протест интеллектуального иудаизма, делающее в противовес ему акцент на эмоциональном, радостном единении с Богом¹⁸. Шагаловский Витебск, бабелевский Бердичев, Острополь, Белая Церковь, Броды, Житомир и сидуровский Днепропетровск – города, которые наложили отпечаток на творчество многих художников и литераторов. Еврейский материал вплетен в ткань их произведений по-разному. Если у Шагала мышление в прозе и в поэзии национальное, еврейское, то у Сидура проявляется двойственность. Уже в детстве на вопрос: „Ты кто? Русский или еврей?“ он отвечал: „Я русский евреец“¹⁹. И далее в одном из поэтических произведений Сидура проявляется та же двойственность:

Я – цветок гибрид
 Полу – русский
 Полу жид
 Художник неоднородный
 Космополит безродный²⁰.

Сидур не описывает свою семью так подробно, как Шагал. Из скупой представленной в сидуровской мифе фактов читатель может догадаться, что бабушка художника и его тетя Ася были расстреляны немцами в 1943 году во время их отступления из Днепропетровска. Знакомые детства Сидура – это евреи: портной Розман, троцкистка Зуска, Мурка Шварц, Фаня Маркович и многие другие. Стоит подчеркнуть, что как и у Шагала, в мифе Сидура *Памятник современному состоянию* время воспринимается как поток, в котором настоящее и будущее взаимосвязано. Детские и взрослые воспоминания Сидура переплетаются с политическими событиями 70-х годов и информацией из эфира.

Отметим, что 70-е годы были для СССР порой, в которой исковеркано немало судеб, это была пора пагубная и для культуры. За антисоветскую деятельность репрессируется все большее количество людей, а среди них евреи и русские – Илья Янкелевич Габай – поэт-право-

¹⁸ См.: М. Ф р и д б е р г, *Еврейские фольклорные мотивы в „Конармии“ Бабеля*. В: *Русская литература XX века. Исследования американских ученых*, Санкт-Петербург 1993, с. 437-445.

¹⁹ В. С и д у р, *Памятник современному состоянию*, указ. соч., с. 14.

²⁰ В. С и д у р, *Самая счастливая осень*, указ. соч., с. 118.

защитник, инакомыслящие Петр Якир и Виктор Красин, Лев Копелев, Альмарик, Андрей Сахаров, Лидия Чуковская, Александр Солженицын, Рой Медведев и многие другие, о которых пишет Сидур, воздвигая им своеобразный памятник. Он достоверно представляет факты, связанные с гонениями на „отщепенцев”.

В мифе заслуживают внимания фрагменты текста, из которых видно, что Сидуру был близок быт евреев и их сложная судьба. Сам же Сидур считает себя „полу-евреем”. В мифе часто ведутся разговоры о евреях, из которых вытекает, что „антисемитизм был не только у фашистов в гитлеровской Германии”²¹. Краткие информации в сидуровском мифе типа: „...балетная звезда Валерий Панов, русский еврейского происхождения вызван в Ленинградское отделение ОВИРа...” или „сильные стремления появились у евреев Кишинева и Бельц, куда возвратились несколько еврейских семей из Израиля. Они утверждают, что в этой капиталистической стране люди живут по принципу КТО КОГО”²².

Как видим, сидуровский миф *Памятник современному состоянию* имеет немного общего с автобиографической *Моей жизнью* Шагала, что обусловлено прежде всего другой исторической эпохой и вытекающими отсюда последствиями. Шагал успел уехать за границу и не был подвергнут гонениям и преследованиям тоталитарной власти, Сидур же, хоть и преследуемый, и не думал эмигрировать, а временно его не выпускали. Разным было отношение к религии и к Богу у Шагала и Сидура. Сам Сидур называет себя „атеистом, верующим в Христа – сына человеческого”²³. В скульптуре Сидура постоянными мотивами является Распятие, голова Спасителя в венце, библейские образы, в прозе же Сидура эта тематика не нашла своего отражения. На наш взгляд, нельзя однозначно определить отношение Сидура к религии и Всевышнему. Но личное, интимное ощущение Бога, вообще присущее еврейскому духу, чуждо Сидуру и его литературному творчеству.

Обратимся, наконец, к поэзии Сидура, иллюстрированной его же рисунками. В этой связи жена поэта писала следующее: „Стихи были для него (В. Сидур – И.М.) чем-то побочным, не главным, но достаточно важным, чтобы быть зафиксированным на бумаге”²⁴. Еврейский материал почти отсутствует в сидуровском сборнике *Самая счастливая осень*. Есть в нем стихи об отце поэта – Абраме Яковлевиче и матери – Зинаиде Ивановне. Проявляются и другие персонажи – Павел Ольховников, Лешка Брусов, Валентин Петрович. В основном же, тематика сидуровских стихов лирическая и эротическая.

²¹ Там же, с. 40.

²² Там же, с. 47, 63.

²³ См.: М. Харитонов, *Вернусь с того места*, „Нева” 1991, № 3, с. 131.

²⁴ Ю. Сидур, *Послесловие*. В: он же, *Самая счастливая осень*, указ. соч., с. 155.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что в литературном творчестве Шагала и Сидура еврейская тематика отражена по-разному. Шагал, живя с 1922 года за границей, мог себе позволить на открытое выражение своих национальных чувств. Шагаловская благоговейность перед Богом и Библией имели два истока: один – в еврейской среде, в которой он вырос, другой – в искусстве. Шагал ощущал Бога по-еврейски, интимно и лично. Его поэзия и проза проникнута и наполнена еврейским национальным духом²⁵.

В другое историческое время пришлось жить и создавать свои творения Сидуру. Сам преследованный и гонимый, он сочувствовал другим евреям, написав свой памятник-миф, увековечив этим их и себя заодно. В прозе Сидура заслуживает внимание также факт, что она была сосредоточена на безмерном страдании человека. Этим страданиям и гонениям в 70-е годы были особо подвергнуты лица еврейского происхождения, в том числе и сам писатель.

²⁵ В. М у с х а, *Malarskie zainteresowania pisarzy rosyjskich doby romantyzmu. Z problematyki kontekstów artystycznych literatury rosyjskiej*. В сб: *Literatura rosyjska. Nowe zjawiska, reinterpretacje* под ред. В. Stempczyńskiej, Katowice 1995, с. 9-23.